

18+

Илья Либман

Второе дыхание

Илья Либман
Второе дыхание

«Издательские решения»

Либман И.

Второе дыхание / И. Либман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837422-7

Книга описывает жизнь группы людей, живущих в США. Их будни и отдых, постоянные поиски новых путей и стремление к лучшему, встречи и новые знакомства, сладость побед и горечь поражений. Быть талантом в современном обществе невозможно в одиночку, но даже и в компании не все так просто, особенно если в ней выходцы из разных республик бывшего СССР. Помимо главной линии истории, описываются типажи и характеры западного полушария. События в повести вымышлены, совпадения с реальностью — случайны.

ISBN 978-5-44-837422-7

© Либман И.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвертая	17
Глава пятая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Второе дыхание

Илья Либман

© Илья Либман, 2017

© Славко Карякин, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-7422-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава первая

Жизнь в штатах научила никогда не чувствовать себя комфортно относительно существующего трудоустройства. Казалось бы, когда компания работает на полную мощность, есть заказы, сырье и не слишком много конкурентов, то можно бы спокойно заниматься своим делом, получать свой чек каждые 2 недели и планировать следующий отпуск туда, где еще не ступала нога человека.

Именно такое состояние вещей и застает тебя врасплох, когда приходит нехорошая новость. Беда может быть персональной, а может быть и общей. Персональная чаще случается, когда при незначительном росте производства прямая необходимость исчезает конкретно в тебе.

Вы можете спросить – каким образом. Да очень простым: ты сам себе могилу выкапывал, когда давал дружеские полупроизводственные наставления молодому специалисту прошлого года.

Да да, именно тому, кого взяли из жалости прошлым летом на место старшего лаборанта. Человек после колледжа не умеет и не знает практически ничего в нашем деле, независимо от его успехов во время учебы. Если бы не умение пользоваться компьютером, то и грош цена ему была бы неоправданно завышена.

Так случилось со мной 6 лет назад, когда я работал в лаборатории большой компании пищевой промышленности. Тот парень, Джеф, приехал в Нью Йорк из далекого Висконсина, где его родители, их братья и сестры с поколением ленивого переросткового потомства управлялись на семейной молочной ферме-заводе, продавая молочное локально. Джефу бы нашлось место в семейном бизнесе после окончания колледжа, но он решил не возвращаться домой, чтобы не напрягать никого своим дипломом, требованиями к переустройству всего хозяйства и высокой зарплаты для себя лично, а устроился он у нас на правах подай—принеси.

Я научил его правильно мыть посуду и показывал всякого рода трюки – как быстрее и продуктивнее получать результаты посевов, работать без отходов и записывать каждое свое движение на всякий случай. К несчастью, эта школьная привычка – запоминать почти все с полуслова еще не выветрилась из его головы. Где-то через пол-года его работоспособность заметил наш шеф и посмотрел на меня с сожалением. А еще через пол-года меня там не стало.

Потерять работу всегда неожиданно, даже если ты мысленно попрощался с ней, просто ходишь по инерции и готов к роковому объявлению.

6 лет назад, честно говоря, я был не готов. Специфика нашего производства диктует свои законы всем более или менее состоявшимся специалистам. У всех у нас есть свои наработки, которые официально не принадлежат компании, потому что были отработаны без задания, а по собственной инициативе, но разумеется на оборудовании и из материалов компании. Дело в том, что при поступлении на работу все мы подписываем груды всяких бумаг, одна из которых говорит, что все, что было достигнуто-открыто-обнаружено есть имущество этой компании и не может быть использовано/запатентовано или продано в третьи руки без письменного разрешения этой компании. Возможно, что когда-то такое требование даже и не обсуждалось и беспрекословно исполнялось, но вот появились бывшие русские, для которых законы такого толка не могут быть писаны. Я помню одного киевлянина, вылитого Чарли Чаплина с седой головой и черными бровями, которому перевели смысл похожего документа. Перевод вызвал у киевлянина приобморочный взрыв смеха: «Совсем скурвились. Если у меня смерть в семье, так я что ли не могу своими же руками в обед себе оградку для кладбища сварить? А если

чего-нибудь серьезнее изобрести: вечный двигатель или философский камень? Так, что ли, их это будет за бесплатно?...»

С тех пор увольнения в компаниях определенного толка очень часто происходят скоропостижно: сразу после объявления об увольнении человека ведут на его рабочее место, где под надзором кого-нибудь из охраны или непосредственного его начальника ему разрешают забрать все его личные артефакты – деньги, ключи от дома, фотографии жен-любовниц, чашку-ложку и другое личное. Все остальное ему отправляют по домашнему адресу – почтой.

6 лет назад такое произошло и со мной, но мой казачек, Джеф, через неделю все мне вынес, что я попросил. И вообще он оказался человеком благодарным, хотя я громкогласно об этом не говорил – мы с ним и сейчас иногда пересекаемся на полупрофессиональных сходках.

Я устроился тогда на работу довольно быстро, потому что время было неплохое и уволенных не целая контора, как это случилось сейчас.

Сейчас по нашему небольшому предприятию витаминной промышленности конкуренты прошли, как паровым катком. Наш хозяин, преклонного возраста дядечка, воевать войны не захотел, а просто продал компанию удачливым конкурентам на корню и дал возможность их боссу решать, что делать с рядовым составом. Все понимали, что выгонять будут постепенно, чтобы производство не встало и не было бы вредительств. Но все прекрасно чувствовали, кто и когда будет упразднен.

Когда новый менеджер с улыбкой в ширину плеч пришел к нам знакомиться, картина напоминала Ново-орлеанские похороны: в последний путь под нескудный джаз. Через неделю к нам прислали двоих «инфильтрантов», которые знали наше ремесло от А до Я. Те двое, Джош и Тош, почти не разговаривали друг с другом, а только кивали, оценивая наши операции из-за плеча.

Мы все сидели, как на чемоданах, и ждали розовых открыток. Моя пришла в пятницу с полуденным боем часов. Волноваться особенно было нечего: у меня дети не плачут, и по пластикам я должен был всего лишь за отпуск с половиной, но что достало меня, так это злость, что не могу я сам распоряжаться своей жизнью.

Сытная жизнь притупляет в нас инстинкты хищников. От сытости трудно отвыкать, и чем старше мы становимся, тем больше сомнений и расчетов делаем до большого рывка. К тому же рубеж «нечего больше терять» не работает, потому что потерять можно многое.

Я вспомнил свой авантюризм на фармакологическом фронте в начале пути, когда из тукменистанского змеюшника мне привезли кило гюрзинога яда в желтоватых гранулах для срочной продажи по взаимно выгодной цене. Помню, как купил себе костюм и добивался встреч с покупателями от Мерка и Бристол Майерс. В те годы я не знал, что за такое, меня могли бы депортировать, предварительно заточив на пару ночек на Райкерс, где с моим еврейским счастьем я бы стал жертвой многонациональной групповухи с венерическими последствиями в лучшем случае.

Но ничего этого я не знал, и случай миновал меня. Стал бы я делать такое сейчас – не знает никто, но если бы и стал, то иным путем.

Размышлений о собственном бизнесе у меня никогда не было. Может быть за исключением одного раза, когда меня все-же затащили работать на паях частным детективом. Было это очень давно, когда мы только приехали, и мой старинный знакомый с лошадиной кличкой Малыш собирал свое Второе Творческое Объединение. Вы спросите, почему же второе? Так все спрашивали. Потому что Первое случилось во время его первого посещения штатов в доисторические времена. Малышу было невозможно отказать безпричинно. Не такой он был человек, чтобы согласиться с безликим, что на нет и суда нет. Тем более, что именно он вывез мои деньги из Питера во время одного из своих прилетов туда в конце 80-х. Малыш знал, что

у нас есть деньги. Так же он знал, что нам нельзя с ними никак легально светиться, чтобы не потерять социальную помощь и гранты на учебу.

Сам Малыш никогда не был детективом. Как говорят в Одессе: наоборот – он был инженером, но во время первого посещения штатов он стал детективом поневоле и научился бороться с преступностью в индустриальном комплексе.

Короче говоря, он деньги наши взял, как пай с отработкой. Мне работа детектива не понравилась с самого начала своей статичностью и прозябанием. Так что, как только я получил первое предложение работы в био лаборатории универа, то из детективов ушел в химики.

Напряжения с вложенными деньгами никакого не случилось, потому что детективная контора расцвела за 3 года, обрасла клиентурой, и Малыш продал ее, как дочернее предприятие, агенству Пинкертон.

Почему-то так случается, что вспоминаю я о Малыше в критические моменты моей жизни, например, когда теряю работу. Какое-то внутреннее чувство подсказывает мне, что Малыш вот-вот услышит, что я свободен и появится, как джин из бутылки.

Глава вторая

Итак, в понедельник утром, моим первым безработным утром за последние 6 лет, я проснулся в обычное для понедельника время и подумал, что теперь у меня есть возможность пожить по воскресному расписанию какое-то время, так чего терять его зря, и пошел в спорт зал. Сказать по правде спорта я не люблю, потому что был им отравлен в раннюю пору своей жизни, но это не помешало мне научиться держаться на коньках, держаться на воде, стрелять по движущимся мишеням и бесконечно мечтать – хоть в чем-нибудь быть первым. Первым никогда я не стал, не был я и вторым и именно эти состояния неудовлетворения привели меня к размышлениям, как это можно изменить. Я помню как сказал отцу, что мне необходимо подрасти выше, чем это было предназначено природой, что мне нужны углы гормонами роста. Отец понял, что я удручен положением вещей и повел меня к специалистам, чтобы отвести удар от себя а заодно и определить, что можно сделать. Какой-то доктор спортивной медицины осмотрел меня с ног до головы и спросил: « На что жалуемся? » Я сказал про статью в журнале Знание-Сила о гормонах роста. Доктор подтвердил, что такие уколы уже есть на свете, но это достижение – самый пик медицинских достижений – доступно только потенциальным рекордсменам мира, шпионам-разведчикам и детям и внукам членов Полит. Бюро.

Отец понимающе и с облегчением, сказал что я не шпион-разведчик, помог мне с одеждой и уже не слушал, что еще говорил доктор спортивной медицины. Я помню, как доктор стоял передо мной и говорил про вытягивание тела в позиции летучей мыши и что сколиоз в средневековье вылечивали дыбой.

На химфак в универ меня не приняли. Пришлось поступать на фармакологию в мед. институт. Аптечный бизнес в России мог бы быть доходным местом, если иметь связи и знать, с кем делиться. По распределению меня направили работать на завод витаминных препаратов сменным технологом. Работа была не бей лежачего, потому что третья смена практически простаивала из-за недостатка сырья или неисправности оборудования, покаленного во время двух предыдущих смен. Всех это больше, чем устраивало: рабочие спали, читали, играли в домино или просто болтали обо всем. Мне работа эта подходила еще и потому, что в дневное время я мотался санитаром в Скорой помощи, чтобы скопить денег на Стратокастер, как у Джимми Хендрикса. Моя жизнь в те годы текла по расписанию безостановочного конвейера: смена на заводе, смена в Скорой помощи, репетиции и туса до 21:30 и опять – смена на заводе.

Там иногда я слышал разговоры между операторами различных станков, которые мгновенно прекращались при моем явном появлении рядом. Все, что успел понять было то, что между ними шел какой-то упорядоченный обмен. Однажды я все-таки не выдержал и спросил у лаборантки, бабы Риты, о чем они говорят. Рита была настоящей бабушкой в свои сорок с мелочью лет и полюбила меня вместо зятя, которого у нее так и не случилось. Рита тогда посмотрела по сторонам, чтобы показать мне о конфиденциальности того, что собирается сказать и прошипела, что рабочие воруют мед. препараты с целью их продажи на сторону. Больше она мне ничего не сказала – я додумал схему сам.

На заводе выпускали не только витаминную продукцию. Точнее сказать, витамины были прикрытием для чего-то иного, но не обычных аптечных лекарств. Все знали, что в нескольких цехах-лабораториях что-то производилось, но никто толком не знал, что именно. Да и назывались те цеха почтовым ящиком. Поступить работать туда простым оператором считалось большим успехом.

Мое времяпровождение после смены на Скорой было довольно странным для парня с верхним образованием. Я крутился среди «рабочей молодежи», которая вовсе не работала. Часть ее кочевала стаями между школами, где проходили репетиции местных музынеров,

и столовняками в новостройках, где они просиживали над десятикопеечными венигретами и котлетами из хлеба за принесенным с собою дешевым портвишском.

В те годы я пытался стать музыкантом, хотел сколотить ансамбль из талантливых, но непонятых бездельников, бросивших свои ПТУ или вечерние школы. Многие из моих тогдашних приятелей имели незаконченное муз. образование, но играть в профессиональные коллективы их никто не приглашал. Только иногда некоторым из них удавалось «отсурлять жмура», если в местном кладбищенском оркестре кого-то не хватало.

Так и становились они безрукими фрезировщиками – шлифовальщиками с несыгранным фаможором.

От репетиций и общения с такой публикой я уставал больше, чем от 2-х работ.

Иногда случались столкновения на почве зала для репетиции или выступления.

На одной из таких стычек я и познакомился с Малышом. Мы должны были играть в клубе объединения Буревестник на новом обрядовом празднике «Проводы в Красную Армию». Знакомый моей мамани работал в объединении в профкоме. Он и организовал нам этот гиг.

Когда мы выкатили на сцену наше оборудование и шнуры, ко мне подошел не по-нашему прикинутый человек с хвостом и бородой и сказал, что его люди на этом барахле играть не будут.

За админа нашей группы обычно все приходилось говорить и делать мне, как самому старшему и трезвому. Я сказал человеку, что у нас есть подписанный доровор на вечер с 7:30 до 10:30, заверенный печатью и тремя подписями, и уже было полез в задний карман, чтобы засветить его, но бородатый жестом показал, что не стоит и сказал, что у него тоже есть такая бумага и тут же спросил: « Вы за доровор сколько отвалили?»

В те времена стало появляться «продуманное» головотяпство при организации самодеятельных концертов. В Питере существовала группа людей, которая за деньги устраивала контракты-договора для самодеятельных музыкальных коллективов: они продавали одно и то же место и время двум-трем командам в надежде, что те разберутся сами или сыграют вдолую. Впрочем, иногда таких устроителей все же ловили, отнимали деньги и били по зубам. Музыканты между собой дрались редко.

Тогда человек с бородой уверенно, но жестко сказал, что его команда отыграет первой, деля «открытие» для нас. Я знал, что на Западе все большие знаменитости выступают с открытием для них менее известными исполнителями, но не мог предположить, что человек именно это имел в виду. То ли от моего молчания или из-за дурацкого выражения моего же лица, человек пустился в объяснения: «Представь себе, что к нам приехал ЛедЗеп с концертом, и публика уже обкурена и на рогах, как положено – вся в ожидании. Если бы Роберт Плант в такой момент вышел на сцену, то его разорвали бы в клочья. Поэтому сначала бы выпустили каких-нибудь наших Аргонавтов или Санкт-Петербург.»

Мои музыканты стояли рядом. Они остановили размотку шнуров и внимательно слушали бородатого, который сразу уловил, что его слушают другие и обратился дальше не только ко мне: «Мужики, уберите свои самопалы. Вы сегодня будете играть на серьезном инвентаре, как Эрик Клаптон и Дэвид Боуи...»

Мои петеушники расцвели от таких слов: «Толковый шеф. Ништяк, что сюда пригребли...»

Пока он разговаривал со своими музыкантами, я рассматривал его странный наряд: хлопчатая кофта с капюшоном, застиранные до белезны джинсы и детские сандали на босых загорелых ногах.

Когда концерт начался, он сел рядом с нами в последнем ряду. Был он не один, а с девушкой, явно американкой. Мы ждали перерыва, чтобы пойти на сцену и играть свою долю концерта. Человек выступления своих музыкантов не слушал, а отдавал все внимание своей

девушке, явно американке: сидел к ней почти-что лицом и говорил что-то дикторским голосом, который сопровождался преувеличенной логопедной мимикой, но при этом он был серьезен.

Позже я узнал от него же, что именно таким образом речь человека более понятна американкам.

Глава третья

В спорт зале по понедельникам совершенно иная толпа, чем в мое обычное время, после работы. Точнее сказать нет никакой толпы. На соседней машине бежит молодая женщина, которая пытается сбросить набранный при последней беременности лишний вес. Одновременно она говорит по телефону с кем-то о новом ресторане, который должен открыться через пару недель.

Около зеркальной стены выступает перед самым собой наша местная знаменитость. Он, качек-бодибилдер, с образованием и средствами на публикацию собственного журнала. Кроме того он – промоутер нескольких продуктов для увеличения мышечной массы, которые продаются в клубе, через его журнал и в специальных магазинах. Он действительно знает свое дело: пару лет назад он увидел, как я выполняю толчек веса на машине и сказал, что-то про неправильное положение моих локтей, которое блокирует мышцы от полной нагрузки, и предложил мне свои услуги в качестве персонального инструктора. Мне такое было не по карману, и я отказался. Иногда он подходил к другим парням и предлагал им что-то с глазу на глаз. Скорее всего это были стероиды.

Я подумал о своих наработках за последние несколько лет. Они были довольно фрагментарны и опробованы только на крысах. Результаты тестов были положительными: крысы не умирали и вели себя нормально по истечению времени действия уколов. Однако судить о побочных эффектах воздействия препарата на внутренние органы животных мне не удалось, потому что крысы были не мои и использовались компанией для других тестов. Одно время я подумывал испробовать препарат на себе, но не был уверен в выборе дозы: пропорция массы тела человека и крысиной довольно велика, если вдуматься что-то не так, то результат такого испытания может быть трагическим. Тем не менее у меня было изготовлено несколько капсул, которые ждали в холодильнике своего звездного часа.

После 40-минутной пробежки я отправился в сауну. К своему удивлению обнаружил в ней двух черных боксеров, полупрофессионалов, которые спускали вес перед предстоящими соревнованиями. Их тренер сидел в предбаннике и следил за песочными часами. Я знал и раньше, что силовики, борцы и боксеры живут нормальную жизнь и тренируют свои тела обычно на одну, а то и две весовые категории выше, чем та, в которой они выступают. Таким образом они нагружают свои мышцы на большие веса, чем это необходимо для их весовой категории. А потом, непосредственно перед состязаниями, они спускают вес в парных, саунах и длительных пробежках. При этом они теряют не только жидкость тела, но и физическую силу, хотя и в меньшей степени. Двое в сауне говорили о предстоящих анализах мочи на стероиды и траву. Тогда-то в первый раз я подумал, что мой препарат не оставляет в теле никакого следа через несколько минут после его употребления, но он создан не для наращивания массы мышц а для увеличения скорости движения и выносливости сердечных мышц при перегрузках.

Парни не остановили своего разговора, несмотря на мое присутствие, и я подумал, что могу стать не просто слушателем. Оказалось, что они будут драться 9 раундов. Первая встреча предстоит в ближайшую среду, поэтому они и парятся. Я задал пару идиотско-дилетанских вопросов, типа правда ли, что им смазывают лица специальной мазью с примесью лидокаина для меньшей чувствительности от полученных ударов. Они переглянулись и сказали, что их мажут обычным вазелином с каким-нибудь антисептиком. Потом один из них спросил меня, откуда я знаю такое. Я сказал, что сам связан по работе с химией и многозначительно замолчал. Дверь в сауну открылась, и их тренер велел им выходить взвешиваться.

Я досидел свои 10 минут и пошел под душ. Боксеры были еще в предбаннике, но уже были одетыми. Они ждали меня. Я понял это сразу, когда один из них, не теряя времени, спросил

меня, продается ли такая мазь в аптеках. Я сказал, что в аптеках продается что-то подобное, но намного слабее по сравнению с тем, что им могло бы пригодиться. Тогда другой спросил, не мог ли бы я помочь им с такой мазью. Я не торопился с ответом, потому что понимал – каждая секунда промедления с ответом добавляла к стоимости самодельного крема. Сказать по правде, я и сам не был уверен, что можно заморозить кожу до такой степени, что прямой 200-килограммовый удар будет не так чувствителен, но сказал, что это не дешевое удовольствие, потому что сам крем для этого довольно дорогой да и лидокаин не купишь в Дуйейн Рид.

Они оба понимающе засмеялись, и один из них сказал: «Человек, сделай нам на пробу. Если все работает, как говоришь, мы купим. Можешь завтра днем принести – у нас будет тренировочный бой...»

Мне и самому было интересно посмотреть, что из этого может получиться, и я назвал символическую цифру \$100, но только, как за пробу.

Как у всякого химика, у меня в холодильнике было полно всякого, что могло бы пригодиться в жизни. Иногда в лабораториях остаются химикаты-полуфабрикаты с просроченным сроком действия. Но нам-то отлично известно, если ампула с составом была запаяна и хранилась в темноте и холоде, то ничего с ней не сделается. Вся эта заморочка с датами срока действия организована исключительно из экономических соображений изготовителя химикатов – чтобы продавать больше продукции. Так что в конце месяца я приглашал на обед с вином нашего старшего лаборанта, старую деву, коротконогую Магду из Трансильвании, и получал, как ответную любезность от нее, просроченные химикаты, подлежащие к истреблению, согласно составленных инвентарных документов. Среди прочего добра были у меня несколько флаконов 15% лидокаина, который в 5 раз сильнее того, что разрешается официально к наружному употреблению.

По дороге домой я заехал в офис социального страхования для безработных, заполнил там все необходимые документы для получения пособия по безработице и только тогда обратил внимание, что время еще было дополуденное. Чтобы не испытывать себя одиночеством дома, я решил остановиться на ланч в нашем главном тусовочном месте, итальянском ресторане Пияза Ройал с помпезной статуей коня на дыбах при входе, копии с работы Клодта. В свое время, несколько лет назад, что-то очень знакомое мне показалось в этой скульптуре, я разговаривал с хозяином ресторана, итальянцем по происхождению. Он рассказал, что слепок этой статуи привезли в подарок его отцу кузены из Неаполя. Тогда-то и стало понятно, чем знаком мне конь —один, точно такой же, стоит на Аничковом мосту в Питере, а в Неаполе находятся его родные братья, подарок русского императора Италии в тысяча затертом году.

В ресторане несколько человек сидели парами за деловым ланчем и две енты перемывали чьи-то косточки за бокалами красного вина. Одну из них я поверхностно знал по собачьим прогулкам, но не видел давненько. Она кивнула мне, как старому знакомому, и предложила место рядом с ними у барной стойки. Мне не хотелось сидеть одному, но и не хотелось давать ей какие-нибудь объяснения о своих обстоятельствах – в это время дня и не на работе. И, тем не менее, я подсел к ним.

Обе женщины были неопределимого для праздного взгляда возраста с широким диапазоном от 29 до 43 лет. Должно быть природа распорядилась так с нечестными счастливицами – время для таких как бы замирает. Для них не так важно, в какое время вчера вечером они ели-пили, но на утро они выглядят свежими и бодрыми на теннисном корте, велосипедной тропе или в безудержной зумбе в кругу себе подобных. Им не нужно особенно волноваться о калорийности и последовательности в употреблении пищи. Они, как будто, дразнят всех других своим здоровым видом. Две женщины за барной стойкой принадлежали к такой вот группе избранных людей. Забыл отметить, что чаще всего, они незамужние и из семьи имеют только домашних животных. Женщину, которая пригласила меня, звали Сюзен, и жила она в трех блоках от моего места в доме с видом на канал. Мы с ней пересекались по вечерам

на прогулках со своими собаками и иногда даже болтали по несколько минут, пока собакам не надоедала наша беседа ни о чем, и они начинали поскуливать и тянуть каждая в свою сторону. Но последнее время я не встречал ее и сейчас даже не решался спросить, все ли у нее нормально с собакой.

Пока готовили мой сэндвич, Сюзен рассказала мне, что собака ее умерла два месяца назад, но она уже не носит траур и «смотрит по сторонам».

Многие американцы довольно средних умственных способностей без пренуждения говорят фразами, которые могут иметь несколько значений, и иногда слушателю непросто определить в каком направлении должна продолжаться беседа. Существует, однако, система обычной беседы, где фразы не имеют никакого особого значения для окружающих. Они, как закапсулированные зрелые мысли или нейтральная закуска пригодны к любому случаю.

Когда собеседников больше, чем два, то нужно быть особенно осторожным, чтобы не навредить самому себе своей же оригинальностью. Особенно иностранцу, с его же собственной подачи легко зарекомендовать себя местным чудачком.

По мере добрососедской необходимости мне приходится встретаться с бывшими русскими гражданами, когда они выражают свое мнение на навсегда чужом для них языке. Мало того, что американцам пожилого поколения был привит пропагандой 60-х через газеты и кино стереотипный образ русского человека-туповатый, многопьющий, но не пьянеющий угрюмец с сильным акцентом, который смеется собственным шуткам, но не реагирует на шутки других, новое поколение русских на самом деле не слишком отличается от комического 60-ти летнего стереотипа. Еще худшее впечатление он оставляет о себе американцам, если начинает демонстрировать свое умственное или финансовое превосходство.

Я испытывал это столько раз, сколько начинал работать на новом месте. Другое дело, что на работе человек может доказать своим трудом, что акцент всего лишь черта его иностранного происхождения, но не больше. Однако при социальных, внерабочих, отношениях совместимость с местными подвергается более глубокому анализу с обеих сторон.

Наши 5-ти минутные стрелки с Сюзен на собачьей почве, и те имели явную полярность, когда по недосмотру я рассказывал ей, что живя в России, мы кормили всех наших собак мясным перловым супом, от которого у тех не было особых проблем. Она не могла понять, как это у простого человека, без прислуги, находится время, чтобы готовить для собаки. А если он еще работает сам? Когда у нее, одинокой женщины, не хватает времени приготовить для себя, и она вынуждена или питаться, чем попало или идти есть в ресторан и выбрасывать деньги на ветер. Однажды во время одного подобного разговора я чуть было не проговорился и не рассказал ей, что думаю по этому поводу, но все обошлось: начался дождь и мы разбежались.

Нельзя сказать, что с того раза я значительно поумнел, а точнее сказать, мог держать свой язык за зубами в случаях, когда это стоило бы сделать. Нет, несмотря на свою критику в адрес земляков, сам я бываю грешен и неосмотрителен.

Сюзен спросила меня, что это я делаю в такое время дня, уж не потерял ли я работу. Мне не было причины что-либо скрывать, и я просто кивнул в знак согласия. Должно быть знаков грусти или испуга было в недостаточном количестве на моем лице, и Сюзен нарочито уверенно сказала, что и на пособие по безработице никто еще не умирал с голоду. Наверняка, ее пособие по безработице было не федеральным и не штатским, а было кругленькой цифрой, вынесенной решением суда ее бывшему мужу, как нехилое дополнение к дому с пристанью, двумя машинами и пожизненным членством в местном country club.

Она глотнула из своего фужера и продолжала: «Не грусти, забей на все до осени. Все равно ничего дельного летом не найдешь, только хлопоты мотаться на интервью. Лучше займись серьезно своим здоровьем: бегай по утрам, освой скалолазание или еще чего-нибудь захватывающее сердце мужчин. Ты, кстати говоря, в теннис случайно не играешь? У нас

в клубе будет чемпионат смешанных пар, но двум женщинам не разрешают выступать вместе, даже если они лесбо и могут представить брачное свидетельство. Хочешь играть со мной?»

– А что случилось с твоим партнером? Он не играет больше?

– Да играть-то он играет, но прошлой осенью у него был мини строк, сам-то он ничего, но на лице – постоянная улыбка. Я чувствовала себя неловко, когда говорила с ним. Он, вроде как, это понял и ушел играть мужские пары.

– Все это так неожиданно: в пятницу – увольнение, в понедельник – смешанная лига в теннис. Я давно не играл на турнирах, да и взносы в твоём клубе, как жалование за месяц работы, который у меня к тому же нет.

– Не волнуйся о взносах – у меня с клубом предоплата сделана на всю оставшуюся жизнь, и в женской массажной даже есть биде с моим именем, как бенифакторши.

Теперь вы можете понять, как сложно общаться с американцами с глазу на глаз: это неважно, что ты знаешь в крат раз больше про их же культуру, историю и другое. Важно быть в их груве естественно, а не как Штирлиц – в тылу у врага.

Как мог я отказать ей, этой вечно молодой и загорелой? По какой причине и на каком основании?

С тех пор, как я перестал недоговаривать что-то другим а заодно и себе, жизнь моя качественно изменилась и упростилась. какой смысл помнить все надуманные уловки и псевдопричины для искусственного баланса, если можно сократить числитель со знаменателем, а остальное округлить до простого числа и быть ясным для себя и для других. Так я стараюсь действовать последние годы.

У меня и действительно нет ничего конкретного, чтобы помешало мне пойти и поиграть в смешанный теннис. Но, как игрок в покер, я понимаю, что Сюзен со своим щедрым предложением может просто блефовать, например, из жалости к тому, что я потерял работу, в знак утешения вроде.

Я говорю ей что согласен попробовать в среду, если успею к тому времени перетянуть струны на ракетке.

По ее лицу непонятно, рада ли она моему согласию или нет, и чтобы не напрягать ее, даю ей возможность отменить предложенное: «Только, знаешь, я правша и предпочитаю стратегическую игру атлетической бегодке.»

Она смотрит на этот раз на меня с другого сорта улыбкой: «Мужчины нашего возраста все стратеги: любят стоять сзади и следить не только за мячом, но и за трусами партнерши. Ты думаешь, твоя старушка не будет против такого возражать?»

– Это трудно сказать наверняка. Мы же не будем из этого делать секрета от всего света.

– Понятно, а кроме шуток, что ты собираешься делать на счет работы, помимо теннисных кортов и обсуждением игр за стаканом лимонада?

Я неспеша откусываю от своего сэндвича, чтобы горчичный дрессинг не капнул мимо тарелки, и решаю округлить нашу беседу немного на русский лад: «Буду пиво варить, а может и самогон. Я же химик. Может быть займусь силиконовыми задницами или чем-нибудь в этом роде. Быть безработным иногда бывает очень хлопотно и небезопасно...»

Теперь лица Сюзен и ее подруги выглядят озадаченными – как им реагировать на только что услышанное. Я продолжаю примерно в том же безразличном духе: «Если кому-нибудь нужно лицо подправить или морщины убрать – могу посодействовать. Цены как в Бразилии, да и качество такое же.»

Мой ответ достигает цели – они прижимают пустыми фужерами чаевые, и мы прощаемся.

Я мысленно делаю пометку о завтрашнем дне: перетянуть струны на ракетке, чтобы быть готовым к среде. К счастью или несчастью моя партнерша, доктор-стоматолог очень увлечена и озабочена улыбками посторонних людей, у которых есть зубные страховки. Моя работа для нее всегда была нонсенсом или непростительной причиной для меня не брать отпущ, когда ей

было удобно. Она знает, что я внутренне переживаю потерю службы, но не добавляет масла в огонь, как часто это делают женщины в быших русских семьях, заявляя в лоб мужьям: «Устроили тебя, болвана, так и то удержаться не сумел...»

Позже вечером после проверки почты на компьютере заглядываю на скайп и вижу там зелененький квадратик с галочкой рядом с фоткой черной свинки на собачьем поводке и склоненной к ней головой. Это Малыш. Я здоровуюсь с ним, но ему не до меня: наверное делится с кем-нибудь важным и неделимым.

Может быть это именно его происки: сначала я теряю работу, потом он неожиданно появляется с очередной ценной идеей. Когда я жду своей очереди поговорить с кем-нибудь на скайпе, то стараюсь не терять времени даром, а читаю в ожидании что-нибудь важное или интересное, но которое может прервано без особых последствий. Одно из последних моих увлечений – это сайт, который предлагает свои услуги с написанием курсовых, дипломов и диссертаций студентам и будущим докторам наук. Так как это не настоящие ученые труды, а скорее популяризованная информация на тему, то читать интересно и вполне доступно для пытливого ума. Я стараюсь не читать на темы близкие с моими наработками, чтобы не выбивать себя из колеи симпатичными предположениями дилетантов, а читаю что-нибудь из истории религий или литературный обзор. Смешно сказать, но за один час можно прочесть кандидатскую диссертацию и повысить свой кругозор на 100% по предмету, названия которого ты и вообще не знал. Однако, звенит звонок, и Малыш шлет мне интимное «Как ты?»

Я начинаю с самого неважного и говорю, что буду играть в среду в теннис в смешанной лиге, завтра перетягиваю струны по такому случаю. Он смеется своим легендарным ха ха и спрашивает полуутвердительно: «Работу потерял?». Я киваю. Мы обычно не разговариваем, чтобы не быть перебитыми и не перебивать, а пишем. Потом говорим о незначительном и здоровье ближних и животных. Малыш предлагает мне приехать к нему завтра (все равно ничего не делаешь) поговорить и провести качественно теплый апрельский день. Отвечаю, что завтра не могу – нужно подготовиться к среде.

За моей спиной стоит Лина и смотрит на экран из-за плеча: «Скажи ему, чтобы сам он приезжал к нам, но лучше вечером, чтобы и работающий человек мог с ним пообщаться».

Это она имеет в виду себя. Лина находит Малыша странным, вроде как пришельцем из параллельного мира, потому что тот всегда на пол-пути к чему-то или от чего-то и занят вовсе не тем, чем полагается заниматься мужчинам по ее понятиям. Задевает ее еще и то, что у него нет постоянной привязанности с тех пор, как он стал одинок. Она даже пыталась познакомить его с несколькими своими подругами, но все ее потуги давали негативные результаты – ее подруги переставали быть подругами, а Малыш так себе и вел самостоятельную жизнь. Я никогда не заводил с ним разговоров на личные темы, но знал понаслышке, что время от времени он мотается по стране или в Европу. Последний раз я видел его пару лет назад на похоронах нашего общего друга, который помер безвременно.

Глава четвертая

Во вторник утром, когда я выбирал правильный крем среди Линино добра для замеса лидокаина, позвонил Малыш и спросил про номер выхода со скоростной дороги ко мне, а через десять минут после этого появился и он сам. Пришел он не один, а держал за руку мальчика лет 7—8. Непохоже было, что между ними есть кровное родство, но держались они за руки двусторонне и крепко. Мальчика звали Слаш. Я сразу понял, что это не его настоящее имя, зная любовь Малыша к Guns and Roses. Мальчик неодобрительно посмотрел на мою наготу и спросил Малыша: «Вы что, братья?»

Малыш попросил чего-нибудь попить с дороги и усадил мальчика за гранитный остров-стол на кухне. Мальчик сразу открыл одну из трех принесенных книг и отключился от внешних раздражителей. Я подумал, что, видно, не только моя Лина озабочена неустроенной жизнью Малыша, но и этот мальчик тоже.

Малыш тем временем смотрел через окно на наш двор, еще не проснувшийся от зимней спячки. Вечно зеленая листва деревьев дает неправильное представление о нерадивости хозяев участка. Я не большой любитель каких-либо уборок в принципе, а тем более таких значительных, как, например, во дворе – после зимней стужи. Считаю всякий беспорядок скорее рабочей атмосферой, чем бессистемно разбросанными предметами и бумагами. На своем рабочем месте, заваленном отчетами, письмами и распечатками я легко нахожу, то, что мне надо, намного быстрее, чем те, у кого все лежит в ящиках или на полочках.

Малыш серьезно спрашивает меня, почему я не одет в такое время дня – что бы случилось, если бы он приехал с девочкой. Мне нечего ему сказать в свое оправдание, кроме того, что ко мне редко приезжают с девочками без предварительной договоренности.

Тем временем Слаш перелистывает страницы одной из своих книг. Я киваю головой в его сторону и тихо спрашиваю: «Чей это профессор?»

Малыш показывает на себя пальцем, чем вызывает у меня интерес.

Я спрашиваю Слаша не проголодался ли он с дороги, говорю, что могу предложить ему сэндвич с салатом из тунца и стакан молока или томатного сока. Слаш смотрит на Малыша – не опасно ли в этом доме принимать пищу из рук незнакомца. Малыш смотрит на меня, как бы готовясь ответить на вопрос Слаша, а я смотрю в холодильник, уверенный, что разрешение к приему пищи будет даровано. За своей спиной в конце концов я слышу Слашево: «Да, спасибо, а можно мне холодного чаю вместо молока?»

Мальчик и действительно выглядит, как очень молодой профессор из какой-нибудь детской академии. Мы оставляем его на кухне и идем ко мне в пыточную. Это небольшая комната с зеркалами вместо стен, в которой стоят два тренажера, штанга и гантели. Кроме того там есть большой письменный стол с моими бумагами и прилавок с раковиной. На одной из зеркальных стен красным маркером выведено расписание движение двух креветколовных судов за 2000 год.

Малыш выпросительно поднимает брови на расписание. Я делаю пояснение, что бывший хозяин этого дома кроме устрашающего косоглазия имел китобойную флотилию из двух посудин с эстонскими командами на бортах, но ловил он креветок в северных морях около Европы. Малыш смотрит на себя в 4 зеркала и двигает правой рукой. Его, видно, что-то не радует в отражениях, и он покачивает неодобрительно головой. Я сажусь к прилавку, на котором уже стоит пустая склянка для будущего крема, флакон с лидокаином и просроченный ночной крем Лореал, один из Лининых, готовый к выбросу. Малыш спрашивает меня о дальнейших планах на сегодня, на завтра и на субботу. Я не удивлен его вопросу, как не был особенно удивлен его появлению на скайпе вчера вечером. Если он приехал в будний день без особого приглашения из далекого Уестчестера на Лонг Айланд, то вовсе не для того,

чтобы поддержать меня за руку или одолжить свою жилетку мне для слез. В давние годы жизни в Питере, когда ни у меня, ни у него не было даже домашнего телефона, он ухитрялся находить меня в течение одного дня, если была необходимость. Когда-то я спрашивал его, каким образом он это делает. Малыш не знал, как серьезно на это ответить или объяснить и просто отшучивался, что он натуральный сильный медиум и иногда может выходить на посылаемые в космос сигналы и уже по ним определять их источники-людей. В то время мы на этом не заикливались – ну нашел и нашел.

Находить кого-либо у него не было самоцелью. По-моему, у него вообще не было и нет самоцели и до сих пор. Он находил для того, чтобы что-то делать дальше, а найденный нужен был ему, как строительное звено в только одному ему известной цепочке. В последнее время мы не встречались так уж часто, может быть и к счастью. Ведь последний раз мы виделись на похоронах общего знакомого, когда-то близкого друга Малыша.

Я смешиваю крем с лидокаином почти что 50/50 и одновременно рассказываю ему, что к 2 часам дня мне нужно отвезти этот крем на боксерский ринг для испытаний. Когда пробная доза крема приятного загарного оттенка застыла в фарфоровой ложке, Малыш предлагает испытать крем на моем лице. Не дожидаясь согласия, он мажет мою щеку круговыми движениями. Я знаю, что ничего страшного призойти со мною не может, но на всякий случай держу мокрую тряпку наготове. Через 10 секунд чувствую немоту. В одном из зеркальных отражений мы видим серьезного Слаша с книгой под мышкой, стоящего на винтовой лестнице. Он тоже видит нас в зеркале и улыбается: «А чего вы тут делаете?»

Ответить на вопрос юного профессора я поручаю Малышу. Он, как всегда готов с ответом: «Понимаешь Слаш, что наш хозяин по специальности настоящий химик-экспериментатор. Ты уже про экспериментаторов читал в своих книгах?»

– Про таких не читал.

– А про каких ты читал?

– Про которые делали самолеты и сами на них летали. Они были братьями, как вы.

– Мы вовсе не братья. С чего ты взял?

Я не могу улыбаться полноценно из-за онемевшей щеки. Слаш замечает это и продолжает: «Так все-таки что вы тут делаете?»

– Мы сейчас будем испытывать противоударный крем, который наш хозяин изобрел сегодня утром, пока мы с тобой на машине ехали.

– На ком испытывать и против каких ударов?

– Ты что ли не знаешь, что настоящие экспериментаторы все испытывают сами и очень часто прямо на себе.

– А как же удары? Как их на себе испытать? Не может же человек сам себя отлупить.

– А мы здесь с тобой для чего? Просто чтобы сэндвичи с салатом из тунца есть, что ли? Я думаю, что с ударом мы сможем помочь.

Слаш больше не улыбается и как будто ждет от меня подтверждения услышанного. Я не хочу говорить, потому что не уверен, что не напугаю профессора голосом и просто киваю в знак подтверждения слов Малыша.

– Ты пришел сюда очень вовремя – будешь свидетелем удара и последствий.

Малыш бьет меня по лицу открытой ладонью довольно звучно и сильно. Так сильно, что голова моя качнулась, но боли я не чувствую и показываю большим пальцем кверху, что эксперимент удался.

Малыш тщательно моет руки с мылом и через плечо серьезно говорит Слашу, что тот только что был свидетелем незабываемого.

Я засекаю время действия крема и занимаюсь приготовлением его товарного количества для боксеров. Тем временем Малыш в непринужденной манере пытается выудить из Слаша, что тот обо всем этом думает. Но Слаш на ветер слов не бросает и отвечает односложно, как

японский дипломат. Малыш видно устал от собственного диалога и задает прямой вопрос, где, по мнению Слаша, такой крем может быть успешно использован. Юный профессор отвечает почти мгновенно – в цирке и в тюрьме. Мы молчим и профессор дает пояснения для тех, кто не догоняет: «В цирке клоуны часто лупят друг друга, пока всю арену уберут для следующего номера, ведь после лошадей все засыпано опилками. А в тюрьмах сидят наказанные преступники, но их все равно жалко.»

Моя щека по-прежнему бесчувственна, но глаз и веко работают нормально. Крем почти что готов. По моим подсчетам 9 раундов бокса занимают примерно один час.

Вполне возможно, что одного покрытия кремом перед началом будет достаточно, потому что после пятого раунда удары достигают цели значительно реже.

Я думаю, что пора вступить в разговор, чтобы прояснить картину для юного профессора и говорю, что изготовил этот крем не для цирка и не для тюрьмы, потому что в цирке дерутся понарошку, а в тюрьмах кремом никому не помочь.

Слаш смотрит на меня с грустью и спрашивает: «Так вы сделали крем только для себя?» Малыш смеется: «Экспериментаторы многое делают только для себя, чтобы быть первыми обладателями, а потом уже решают, что с этим делать или просто продать другим, чтобы другие решали. Наш хозяин сделал этот крем для спортсменов-боксеров. Ты бокс когда-нибудь видел по телевизору? Ну так вот там все по-настоящему. Сам понимаешь, когда у тебя что-то сильно болит, то ты не можешь хорошенько подумать, как себя защитить и нападать самому, потому что твоя собственная боль тебя отвлекает. Тут и приходит на помощь волшебный крем, от которого не чувствуешь боли. Хочешь на себе крем испытать, пока есть возможность?»

Слаш отрицательно мотает головой: «Нет, я ведь не боксер, я – доберман пинчер».

Нам эта шутка очень нравится. Малыш с гордостью смотрит на Слаша, но ничего не говорит.

Глава пятая

В моей машине Малыш и Слэш сидят на заднем сидении и что-то заговорчески обсуждают. Около спорт. зала запарковано довольно много машин. Видно, что это не обычные посетители, а болельщики за боксеров. Боксеры-полупрофессионалы тоже имеют своих поклонников: чаще всего – это их друзья или родственники. Когда боксер достигает определенных успехов, около него начинают крутиться всякого рода спонсоры, у которых есть свой интерес, чаще всего финансовый. Независимо от ранга боксеров, на их бои всегда делают ставки, и деньги мигрируют из одних карманов в другие. Меня никогда не привлекали спортивные споры на деньги, потому что вся эта индустрия под строгим контролем. У меня на последней работе был один буки, который раздавал всем желающим отпечатанные карточки со списками предстоящих встреч. Люди заполняли их и возвращали ему с приложенными деньгами по пятницам, а по понедельникам счастливицы получали выигрыши.

Мы вошли в спорт. зал, и я предложил Малышу подождать меня, пока встречусь с боксерами. Слэш сразу обратил внимание на танцующих зумбисток: «Малыш, а можно мне около стекла постоять, пока мы здесь все равно ничего не делаем?»

– Чего тебе у стекла стоять – садись лучше на велосипед и покрути педали.

– Не хочу я педалей крутить на одном месте, а за стеклом все-таки музыка и танцы.

Малыш безнадежно махнул ему рукой: «Смотри уж, что мне с тобой поделать. Только никуда не уходи отсюда.» Слэш его не слышал, а уставился на женщин – за стеклом.

Мы с Малышом пошли в сторону раздевалок, чтобы найти там моих боксеров. Из динамик гремело что-то очень ритмическое, переплетенное словами животной страсти. Кто-то из около спортивных социологов сказал, что музыкальное сопровождение упражнений должно быть именно таким, напоминающим прибрачный танец с имитацией движений самого любовного акта. Люди, по сути дела, не слишком изменились в своих подсознательных животных привычках, и если теперь нет необходимости праздновать с танцем удачную охоту или обильный урожай из-за неактуальности событий для городской толпы, то найти себе партнера по жизни стало намного сложнее, чем раньше, и музыка возвращает нас к первобытным корням.

Мои боксеры сидели с забинтованными кулаками и получали инструкции от тренера, которого я вчера видел в предбаннике. Он покосился на нас и сказал, что сюда заходить нельзя никому, кроме боксерской челяди. Оба боксера в один голос сказали, что именно меня они и ждут. Я достал банку с кремом и протянул ее тренеру. Он открыл ее и понюхал. Я сказал, что крем нужно наносить за 5 минут до начала боя и стараться обходить стороной губы и веки.

Один из боксеров сказал, что прямо сейчас денег отдать не может, потому что ему уже в карман не залезть.

Малыш шепнул мне, что хотел бы посмотреть на натуре, как работает противоударный крем. Я подумал, что час времени, проведенного около ринга, может быть вовсе и не потеря времени, тем более, что сам Малыш был тому инициатором.

Трибуны были почти пустые, потому что встреча была типа генеральной репетицией предстоящего завтра вечером. Возможно, что и девяти раундов они драться не станут...

Боксеры выбежали на ринг, и каждый из них заплясал на своем месте в ожидании гонга.

За стеной тяжело ухала музыка и напомнила мне, что маленький профессор все еще любит женскими формами сквозь дымчатое стекло.

Малыш спросил меня, что именно я делаю в этом зале, когда не толкаю самопал другим. По его тону я понял, что торжественная часть нашей встречи подходит к концу, и скоро наступит художественная. С Малышом лучше быть открытым и откровенным. Он никогда тебя

не осудит за глупость или недалёковидность. Вранья, однако, от других он сам терпеть не может и общение прерывает мгновенно. Чувствует его, как матерый волк-капкан.

Я начал было рассказывать, но прогремел гонг, и боксеры закружились на ринге вокруг невидимой оси. Понятно было, что они показывают тренеру и остальным свою работу ног и тела в первую очередь, а уж потом все остальное.

Кто-то из болельщиков крикнул что-то короткое, и многие засмеялись.

Потом один из боксеров принял боевую стойку в то время как другой пританцовывал с опущенными руками довольно близко от первого. Так могут позволить себе драться только бойцы высокого класса с молниеносными реакциями. Здесь было нечто иное: боксер в стойке нанес два стремительных удара по лицу другого. Болельщики загудели в знак неодобрения. Затем нападающий нанес еще несколько безответных ударов, и тренер показывал рефери, что он хочет остановить встречу, хотя на ринге все шло своим чередом. Рефери подозвал к себе боксеров, что-то им высказал, и бой продолжался. Второй боксер как будто проснулся после предупреждения рефери, он встал в стойку и больше прямых ударов в лицо не пропускал.

В перерыве между 4 и 5 раундами я подошел к рингу и попал в поле зрения одного из боксеров. Тот поднял свою руку с повернутым пальцем вверх и искаженно улыбался мне сквозь черный загубник.

Я узнал, что они будут драться еще 3 раунда и хотел было вернуться на свое место на трибуне, но не увидел там Малыша и подумал, что он наверняка в общем зале ищет Слаша. Так оно и оказалось. Точнее сказать, никто никого не искал: Малыш стоял рядом с молодым профессором и делал ему пояснения о том, что происходит за стеклом. Там класс зумбы сменился на класс йоги, и уже другие женщины сидели на разноцветных поролоновых матиках умиротворенно в неестественных для простого населения позах. Когда я подошел к ним, то услышал, как Слаш реагирует на объяснения. Йога явно не была его фортэ.

Я показал Малышу, что обычно делаю в зале, и мы вернулись к боксерскому рингу.

Встреча, по-видимому, закончилась. Публика была довольна ее исходом. Было ясно, что многие пришли сюда для того, чтобы решить, на кого они будут делать ставки завтра вечером. Оба боксера выглядели нормально: без ссадин и следов крови на лицах. Их тренер был явно доволен исходом матча. Он хлопал их по спинам и, должно быть, прочил им блестящее будущее на ринге.

Я подождал, когда они спустятся с помоста. Один из них на ходу разбинтовал свой кулак и выложил мне из него \$100 бумажку. Деньги не пахнут.

Слаш поинтересовался, что мы теперь будем делать, если на ринге уже никого не лупят. Я предложил поехать к океану, прогуляться среди дюн, где никто не услышит нашего разговора.

У меня в багажнике лежит корейский шелковый воздушный змей. Я купил его несколько лет назад на пляже, воодушевленный зрелищем группового полета змеев. Это был своего рода семейный бизнес: отец и двое его сыновей приехали на четвертое поле Джонс бич ветряным сентябрьским днем на старенькой и разбитой Тайоте, достали из нее пол-дюжины воздушных змеев и стали их запускать. Каждый раз, когда очередной змей достигал определенной высоты, мальчики отдавали струны управления змеем своему отцу, который загонял змея в небо в определенную точку, и тот замирал там, как вкопанный. Когда в небе зависли четыре змея, корейский отец начал манипулировать ими с невероятной ловкостью. Его движения чем-то напоминали фигуры тай-чи.

Иногда змеи в небе танцевали синхронный танец в одном направлении, иногда они неслись друг другу навстречу и расходились, едва не схлестнувшись.

Пока корейский отец демонстрировал змеев, и главное – свое мастерство управление ими, его сыновья выложили на продажу целую охапку таких же змеев в прозрачных пластиковых упаковках. Толпа наблюдателей росла, как на дрожжах: велосипедисты слезали со своих велосипедов, собачники смотрели в небо вместе со своими собаками, любовные парочки переста-

вали миловаться друг с другом и следили за воздушными танцами. Был среди прочих там и я. Представление едва ли длилось дольше часа: все змеи были распроданы. Мне достался один из тех, что принимал участие в воздушных танцах. Стоили они немало для бестолковой игрушки, потому что были из шелка, ручной работы и росписи.

Я запускаю своего змея пару раз в году, когда мне надо побыть одному и обмозговать что-нибудь. Змей в такие минуты покачивается надо мной и не дает отвлекаться на побочную чепуху своим полузакрытым глазом.

Мы приехали на пляж, и Слэш со змеем в руках сразу унесся к воде, а через пару минут мы увидели одного из них в небе.

Как преамбулу к разговору, Малыш рассказал мне, что он знает о наших общих знакомых, а таких оказалось немало. Многие давно уже не жили в России, а многие из тех, кто жили там, стали популярными личностями. Многие уехали жить в другие страны и на другие материки. Вспомнил он и тех, кого уже и вовсе нет в живых. Наши общие знакомые в основном были из музыкально-художественной среды. В свое время у меня была приятельница, выпускница Мухинского училища, через которую я познакомился со многими непонятыми гениями сырой штукатурки, керамики и стекольного литья.

Когда список лиц подошел к концу, он спросил не знал ли я Грега Полуэкта, который уехал в штаты одним из самых первых.

– Я когда-то знал одного Полуэкта, но того звали Грином. По-моему, с ним что-то случилось, и он пропал.

– Грин и Грег были одним и тем же человеком, который умер от обширного инфаркта одной теплой апрельской ночью. Он умер, а не пропал – сказал Малыш.

– Откуда ты знаешь, что мы говорим про одного и того Полуэкта?

– Грег Полуэкт был химиком. Он работал вторым шефом по холодным закускам в ресторане Tavern on the green. Если бы не его смерть, то и в моей жизни все могло сложиться все совершенно по-другому.

У меня сомнений больше не было: мы говорили про одного человека – химика и Полуэкта.

Малыш следил за движением змея в небе и продолжал: « Это случилось в конце 70-х. Я начал только приходить в себя после маза-Раши и работал в мясном дистрикте на Манхаттане за наличку для одного еврейского мясного королька. Работа была неплохая, но опасная. Хорошо было, что опасностей я не боялся, потому что ничего не понимал ни в законах, ни в беззакониях и носился по дорогам без водительских прав в погоне за потенциальными похитителями мороженого мяса. Так бы все это и продолжалось, пока однажды не повстречался с Полуэктом. Он к тому времени уже прилично стоял на ногах – легально работал в престижном по любым понятиям месте за чек и подрабатывал на производстве и продаже дури в Виллежде. Он жил там же, и что не характерно, тараканов в его квартире не было. Они там, конечно же были, но быстро перевелись. Чем он, Полуэкт, их вывел, теперь уже никто не узнает, но этим своим средством он мог бы пустить по миру всю пестицидную индустрию в штатах.

– Каким образом?

– Обыкновенным. Запатентовал бы свое средство и продал бы. Сам понимаешь, что тараканы кормят большой сегмент химических предприятий, которые занимаются бытовой химией. Вполне возможно, что такое же средство было открыто и до него, но его никто и никогда выпускать не будет даже, если осмелится. Всякого рода Зеленые и другие инвайроменталисты залоббировали бы производсво такого средства, чтобы оставить себе возможность не уничтожить тараканов начисто, а просто бороться с ними различными дорогостоящими методами, и, не дай бог, не разбалансировать урбанистический мир насекомых. Уничтожить всех тараканов – это как срубить гигантский сук, на котором гужется целая индустрия.

Речь Малыша и манера изложения ни капли не изменилась за все эти годы. Помню, как однажды спросил его об этом необычном навыке. Это было очень давно, перед самым его отъездом в штаты. Он получил тогда звание лектора по политическим и научным знаниям за чем-то. Рассказывал, что просто купить диплом было невозможно, а нужно было прослушать 6 часов лекций и сдать экзамен. Именно после 6 лекций его монологи зазвучали иначе. Незнакомцы принимали его речи за откровенную стеботу, и не пытались слышать между строчек.

Главное – это не давать Малышу возможности обуздывать конька до конца – тогда уж точно до остановки можно не дотерпеть...

– Как мог с Полуэктом произойти обширный инфаркт, если был он худым и совсем молодым?

– Так вот и произошел. Инфаркт, кстати говоря, был не обычный, а как бы групповой. Полуэкт был со своей приятельницей при определенных обстоятельствах.

– Любились что ли в вычурных позах и не смогли расплестись?

Малыш смотрит на меня с грустной улыбкой: «Про вычурные позиции я ничего сказать не могу, так как не был там. А ведь должен был бы быть. И, если бы остался с ними той ночью, то возможно, что и меня бы сейчас не было в живых...»

– Как это не было бы в живых? Не хочешь ли ты сказать, что это было культовое самоубийство, искусственно вызванным инфарктом?

– Я никогда не думал о смерти Полуэкта под таким углом, но в определенной мере ты попал в точку. Ты знаешь, что Грег, или Грин по-твоему, был действительным первопроходцем в сфере дизайн наркотиков. В конце 70-х никто в штатах не знал про экстази. Грег делал масть по отдаче очень похожую на тепершнюю экстази, и я ее испытал уже тогда на себе. У него была даже подогнана философия под это дело о непроходящем желании заниматься «секесом». Но в ту ночь произошло нечто другое. Нас было четверо в ресторане Националь на Брайтоне. Все было нормально до момента, пока он мне не поведал, что стоит на грани большого открытия.

– Это он про экстази так заявил?

– Да нет, экстази – как шутка гения, к тому времени было позади. Он говорил о другом. Я сначала не мог понять, о чем вообще идет речь, потому что мы выпили до того, и к открытиям я особо не был предрасположен. Но он молчать не мог. Видно, что его переполняло, он хотел быстрее с кем-нибудь еще поделиться, кроме своей подружки, американской ученой по химической части. Когда он мне в двух словах рассказал о своем открытии, я в одну секунду весь вспотел и стал абсолютно трезвым.

Малыш иногда умеет драматизировать события до такой величины реальности происходящего, что ты сам как бы становишься частью его истории. У него определенно есть дар заманивать всех на один борт, пока лодка не начнет черпать бортом воду. От испуга многие бегут к другому борту, и тогда лодка черпает вторым... В данном случае нас было только двое, и он не старался впаять мне байку – просто разговор попал в такой грув.

– Что же это было за открытие такое?

– Грег предложил нам после ресторана поехать к нему домой и попробовать – принять что-то всем вместе – вчетвером. Он говорил, что они уже пробовали это делать с его подружкой, держась за руки, и, когда все закрутилось, они оказались там вместе.

– Где это там?

– Дальше рассказ Полуэкта не был таким отчетливым: он явно хотел оставить недосказанной изюминку интриги. Помню, что он сказал, что они с подружкой очень быстро двигались, как два маугли по доисторическому лесу. Еще он сказал, что от снадобья самого умереть невозможно, но возможно помереть от страха во время трипа.

– Почему же ты не пошел? Что Дима, стало бздимо? Иногда даже таких людей, как Малыш, стоит воодушевить и подзадорить для их же пользы. Они, в своем порыве, могут прийти

до определенной точки, а потом ступешаться и скомкать самое важное и интересное. Мои слова для него не были никак не оскорбительными, а скорее, как протянутая рука помощи для обретения равновесия на плавающей кочке.

– Именно так, ваше высочество. Я как почувствовал, что все это не вымысел большого воображения. А тут он мне еще предложил войти в долю и составить вдвоем бизнес план. Грег был человеком холодного расчета и решительных действий. Поэтому он и не бился в местных инстанциях с объяснениями и доказательствами своих научных степеней, публикаций и патентов, а пошел и выучился экстерном на повара, чтобы обеспечить себе тыл. Я, когда увидел его за две недели до трагического происшествия, подумал себе, что он человек исключительного устремления к цели и что остановить его сможет только пуля. Как можно было предположить – инфаркт, не зная подробностей.

– Что же это было в нем было такое решительное? Я знал его в Питере довольно хорошо. Всегда он был темной лошадкой. Строил из себя непризнанного гения. Многие из мужиков в то время делали изыскания с психоделическим уклоном.

– В том то и дело, что и другие кое-что могли да перемогли, а он, единственный, собрался и свалил на Запад, не будучи солистом балета или циркачем с мировым именем. Как он это сделал, никто толком не знал, но уж, наверняка, не как Валера Черкасов – пешком через Финляндию. Короче говоря, взял я себе в тот раз отсрочку с пробным приемом зелья до следующего раза, но следующего раза не произошло. Они с подружкой умерли той же ночью от сердечного приступа. Но об этом я узнал через несколько дней от полиции: они меня вызвали, как последнего из живых, кто общался с Полуэктом.

– И что случилось дальше?

– Все покатило под откос: моя американская карьера в кинобизнесе, этнографическая поездка по стране и безоблачная жизнь с американской женошкой.

– Ты жил в штатах с американской женой? С какой это?

– С Райкой. Пришлось нам расстаться. Мне дали 72 часа, чтобы закончить американскую гастроль, и еще пригрозили, что не просто депортируют меня, если сам не уберусь, а помешают на русского диссидента или шпиона. А это значит, что меня бы через штатскую военную тюрьму в Гуантанамо на Кубе везли полгода на подводной лодке в Мурманск, как Пугачева в цепях, в помещении, смежным с ядерным реактором, чтобы быть уверенными, что я больше не смогу размножиться.

Я смотрел на Малыша и понимал, как трудно, должно быть, живется человеку, который всегда ходит по лезвию бритвы и в то же самое время может ощущать опасность так остро, если его ужас перед возможным принимает такие гротескные формы.

– От чего, ты думаешь, они получили инфаркт со смертельным исходом?

– Я не уверен. Помню, что тем же вечером в ресторане приятельница Грега «обрабатывала» Райку, что бы мы приняли участие в совместном трипе и говорила ей про встречу с динозавром. Мы с Райкой никогда не обсуждали этой истории, потому что у нас было всего 72 часа до расставания. И потом, в письмах и по телефону старательно обходили эту тему. Мне случилось однажды столкнуться на каком-то детском празднике с биоинженером, и я спросил его мнение на этот счет. Так он мне сразу сказал, что если бы найти способ, как нырнуть в нижние слои человеческого подсознания и рассмотреть какой-нибудь жизненный эпизод, как под увеличительным стеклом, то вполне возможно попасть в иной мир и даже не обязательно быть там человеком. Он говорил мне, что человеческий мозг – своего рода компьютер, который имеет backup drive с самых первых клеток. Мы тогда с ним славно поговорили, потому что были на близких уровнях опьянения. Помню, что в кино тогда показывали Юрский парк, и стоимость на янтарь с жуками внутри изделий поднялась в штатах в 10 раз.

Малыш показал мне пальцем на змея в небе, который двигался в нашем направлении.

– Интересно, полиция нашла что-нибудь на месте происшествия?

– Во время следствия детектив нам говорил, что в квартире было найдено множество химикатов а также растительно-органических растворов и настоек, но ничего конкретного.

– Интересно бы было посмотреть на его наработки. Все профессиональные химики ведут рабочие дневники и чаще всего сами не знают, будет ли успешный конец у опыта или очередной ничего незначащий тупик.

– Я думаю, что Полуэкт дома ничего не вел на случай шмона. К тому же он мне сказал, что жидкость получилось у него случайно, когда он убирал со стола и слил в одну посуду всякого, а потом случайно это попил, приняв за холодный кофе.

Слаш стоял рядом с Малышом и слышал конец истории про холодный кофе. Катушка со струной для змееконтроля торчала у него из курточного кармана, а в руках он держал пивной стакан из мутноватой пластмассы, в котором притихла наловленная около морская живность. Воцарилось молчание, которое нарушил молодой профессор: «Иногда моя мама тоже допивает холодный кофе, и ничего – не жалуется.»

По дороге с пляжа ко мне домой Малыш как бы невзначай спросил меня про мои наработки, которые бы могли иметь коммерческий потенциал. Я знал, что и приехал-то он ко мне с этим вопросом, но ведь такого не задать ни по телефону, ни по скайпу. Особенно если люди не встречаются так часто, то даже и при встречи им требуется какое-то время чтобы настроить себя для общения на важные темы. Я знал, что Малыш был дипломированным психологом, который практиковал свои знания за бесплатно для других в реальной жизни довольно часто. Как сам он объяснял, что ничего особенного в этом нет – может быть только повышенное умение слушать и слышать. Ему нужно было проверить меня по всем узловым пунктам, что и произошло само по себе во время нашего времяпровождения. Видимо, проверку я удачно прошел, раз вопрос был задан. Я сказал, что у меня есть кое-что, но вовсе не из направления Полуэкта, а скорее связанное с работой человеческих органов, но не лечебное.

Слаш сидел и тихо посматривал на своих питомцев в пластиковом стакане. Мне было видно его отрешенное от разговора взрослых лицо через зеркало заднего обзора. Малыш покоился на него тоже и кивнул мне головой, мол продолжай. На всякий случай я рассказал, как бы о прочитанном про то, что существуют такие вещества, которые попадая в систему кровообращения заставляют сердце работать не в обычном режиме, а в режиме турбо. Но пока эти вещества не настолько совершенны, чтобы действовать длительное время, но не потому что они иссякают, а потому что кровеносная система и само сердце не приспособлены к длительной активности в таком режиме.

Оказалось, что и Слаш вроде понял, о чем идет разговор и органически к нему подключился: «А что будет, если долгое время – человек умрет?»

– В конечном итоге умрет.

– А если давать ему по-немножку?

– То тогда не умрет.

Малыш слотрел в боковое окно и не пытался присоединиться к разговору. Мне было понятно, что необходимая информация таким невинным способом достигла его сознания, и прикидка ее утилизации уже началась.

– А что если дать такое тараканам? Они не помрут?

– Тараканам такое ни к чему: они и так слишком быстро двигаются.

– Да не всем подряд тараканам, а только тем, что выступают на тараканьих бегах. Я читал в одной книге про тараканьи бега. Их владелец использовал, как рабов, и зарабатывал на них кучу турецких денег, а кормил их крошками со стола.

Малыш наморщил лоб и с деланной укоризной в голосе спросил: «Где ты только находишь книги такие, когда вокруг столько замечательных книг для детей?»

– Когда – где. Иногда на интернете в маминых закладках, а иногда у нас на книжных полках. Детские книги я давно все перечитал, а новых у нас нет. Это была неплохая книга, только очень грустная, но про гонки в ней было написано здорово.

Я спрашиваю Слаша, читает ли он по-английски. Он кивает головой и добавляет, что понимает не все слова так же, как и по-шведски. Малыш при этом закатывает глаза, переутомленный чужими достоинствами.

Мы останавливаемся в маленьком магазинчике при теннисных кортах, и я оставляю свою ракетку для перетяжки струн. Малыш предлагает взять какой-нибудь еды в японском тейкауте и поехать ко мне для продолжения разговора.

Слаш предупреждает нас, что сырую рыбу лучше есть, когда она совсем свежая, а иначе можно смертельно отравиться. Малыш успокаивает его, что если он так уж печется о своем здоровье, то можно купить ему супа с вонтонами и рисовыми нудлс.

Я думаю про динамику отношений этих двух: Малышу подходит общение с детьми. Я никогда не видел его в общении с детьми раньше.

Дома Слаш зарывается в одну из своих толстых книг, заедая ее супом с гигантскими вонтонами, а мы с Малышом спускаемся в мою «пыточную».

– Как тебе понравилась перспектива с тараканьими бегами? Думаешь устами младенца глаголит истина?

– Не думаю. У тараканов нет кровеносной системы в общепринятом понятии. В штатах тараканьи бега запрещены, и они не были бы популярны даже среди простолюдыя. Я думал, что такое средство было бы на пользу атлетам, но маркетинг его невозможен, потому что распространение его нелегально, а чтобы провести его как медикамент, надо было бы создать медикамент сначала, а потом уже его подключить к созданному и объявить его замечательные способности побочным эффектом. И при этом нужно со многими бесконечно делиться. Примерно так же, как случилось с виагарой. Но идти по официальным каналам отнимет уйму времени и денег, а у меня нет ни одного и ни другого.

– А что произошло с виагарой?

– Ну выдаете, гражданин, в вашем возрасте уже пора бы интересоваться историей некоторых лекарств. Виагара была создана, как средство для улучшения работы сердечной мышцы, но вся сила его неожиданно пошла в корень. Так случилось, что лекарство горяче любимо народом за его побочное качество, которое единогласно решили считать основным. А может быть это был маркетинговый трюк – теперь трудно сказать.

– В чем же здесь трюк?

– Объясняю для тех, кто на задней парте. Знаешь, все эти представители фармокомпаний носятся по медицинским офисам, кормят усталых докторов и медперсонал дорогой и вкусной едой на ланч и в то же самое время ведут бойкий рассказ о новых лекарствах. И под занавес оставляют доктору считанное количество разовых упаковок прорекламированного средства с тем, чтобы тот его прописал своим пациентам после бесплатной пробы на них же.

– Так в чем же трюк, химик?

– Трюк был в том, что преклонного возраста больные мужского пола просыпались по ночам от хорошо позабытых эрекций, а в дневное время с тревогой думали, как они запихнут в брюки все свое негнущееся хозяйство своими же негнущимися пальцами после похода в публичный туалет. Короче говоря, от нового лекарства у многих начался настоящий ренесанс ниже пояса. Были, правда, случаи, что их тошнило, болела голова при параллельном поносе, но зато свершалось другое и очень важное.

Малыш смотрит на меня после услышанного под иным углом: «По-моему, ты изменился в лучшую сторону. Ты как с медициной связан – только через Лину, я надеюсь, или это был рассказ очевидца?»

– С медициной я пока не связан, как с таковой, но социальные связи через Лину у нас только с докторами. Сказать по правде — это не очень приятный опыт, потому что, как народ, они довольно снобистый из-за своего раздутого положения в обществе. Хорошо еще, если свое ремесло знают, но таких – единицы, а основная масса их перевела клятву Гиппократа на бизнес рельсы и рубит бабло, где можно и где нельзя. Для многих из них – это довольно серьезный культурный шок – оказаться здесь доктором и научиться соответствовать и дообразовывать себя. Это же про них слова из песни... жил в Бобруйске,

- нес нагрузки,
- папа-русский,
- мама-русский,
- не служил...

Если тебе это интересно для профессиональных изысканий – могу познакомить с парочкой. Есть среди них и интересные экземпляры, кунцкамерного качества...

– Вернемся к нашим баранам, однако. У тебя реальный продукт есть или только на бумаге?

– В принципе, есть дюжина таблеток в холодильнике, готовых для испытания. Жалко, что твоего Полуэкта больше нет – он бы принял на грудь такое.

– Полуэкт все свое испытывал на черном сегменте божьего общества в Вилледже. На него никто не доносил, все были довольны. Почему бы тебе не найти черных молодых атлетов и не попробовать на них?

– Ты что, Малыш! Устроено-буржуазный Лонг Айленд – не Гринедж Вилледж, да и сейчас далеко не 70-е. Если с подопытным что-нибудь случится, то распространителю грозит серьезный срок для размышлений.

Малыш смотрит на свои многократные отражения в зеркальных стенах и произносит, как со сцены, про жертвенность ученых в старые времена и добровольном испытании палочками Коха.

К счастью, в эту минуту я слышу Линыны шаги в нашей спальне и думаю, что все удачно складывается – она хотела увидеть Малыша.

Через несколько минут мы возвращаемся на нашу кухню и видим Лину и Слаша, беседующих над пластиковым стаканом с насекомыми. Слаш очень увлечен объяснениями незнакомой взрослой женщине. От возбуждения его голос звучит с выражением, как при декламации стихов. Я тихо спрашиваю Малыша, что это у него с голосом случилось.

Малыш пожимает плечами: «Должно быть Лина твоя ему глянулась, как особа противоположного пола.»

Лина может быть серьезна с незнакомыми детьми и животными. Это такой неотразимый способ понравиться. Есть у нее в запасе и другие не менее неотразимые способы, но о них мне не хочется вспомнить сейчас. К ней едут за улыбками, а точнее за их восстановлением практически отовсюду. На заре наших отношений, а они начались на ее территории, на одном из 3 синхронно обслуживаемых кресел, я сказал ей, что в античной Греции у зубных врачей не было новокаина для заморозки, и они просто одевали маски Медузы Гаргоны, чтобы пациенты каменели, так вот у нее, якобы, был такой взгляд без маски...

Сразу заметно, что Слашу привычнее разговаривать с женщинами: он себя ведет довольно раскованно для первой встречи – жестикулирует руками, как синхронный переводчик для немых при ООН.

Мылаш понимает, о чем я думаю и говорит: «Ребенок должен расти с обоими родителями, а иначе получается сам видишь – кто. Наверстать упущенное всегда сложнее, чем развиваться равномерно. Но мы над этим работаем по мере возможностей. Ты случайно не помнишь, до какого возраста любил залезать к родителям в постель по утрам?»

– Помню. Лет до восьми. Именно у них в постели я потерял несколько своих молочных зубов. А что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.